

Карли
ФИЛЛИПС

Пробуждение
СТРАСТИ



АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф 53

Серия «Все оттенки желания»

Carly Phillips
PERFECT TOGETHER

Перевод с английского *В.А. Сухановой*
Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения InkWell Management LLC
и литературного агентства Synopsis.

Филлипс, Карли.

Ф 53 Пробуждение страсти : [роман] / Карли Филлипс ; [пер. с англ. В.А. Сухановой]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Все оттенки желания).

ISBN 978-5-17-084164-6

Николь Фарнсворт устала быть идеальной — идеальной дочерью, идеальной столичной модницей и уж тем более идеальной невестой мужчины, которого не любит. Решив наконец-то пожить немного для себя, она разрывает помолвку, уезжает в тихий маленький городок... и немедленно встречает там мужчину своей мечты, красавца полицейского Сэма Марсдена. Конечно, Сэм — совсем не идеален. У него нет ни денег, ни высокого положения, а есть непростой характер и нелегкий жизненный опыт. Зато он смел, честен, умеет любить по-настоящему, преданно и искренне, и знает, как сделать женщину счастливой.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-084164-6

© Karen Drogin, 2014
© Перевод. В.А. Суханова, 2014
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

Глава 1

Должно быть, все дело было в фамилии «Марсден». Именно она, похоже, заставляла людей думать, что если они обратятся к Сэму Марсдену — младшему ребенку в семье и хорошему полицейскому — с какой-нибудь просьбой, он тут же беспрекословно выполнит ее. На такую мысль, во всяком случае, наталкивало поведение невестки Сэма Кары, которая смотрела на него сейчас большими умоляющими глазами, ожидая, что он непременно согласится с ее совершенно необоснованными претензиями.

— Ничто на свете не заставит меня ухаживать за Марджи Симпсон, — заявил Сэм Марсден, сердито глядя на Кару, которую обычно называл своим «лучшим другом».

Они разговаривали, сидя за рабочими столами в полицейском участке городка Серендипити.

— Ее фамилия Стинсон, а не Симпсон, и ты это знаешь, — нахмурившись, сказала Кара. — Действуй, Сэм. Ее родители делают крупные пожертвования в Благотворительный фонд помощи женщинам, страдающим сердечно-сосудистыми заболеваниями, а Департамент полиции Серендипити принадлежит к числу спонсоров этой организации. Или ты хочешь рассказать в клинике, где как манна небесной ждут поступления нового

медицинского оборудования, что Стинсоны не сделали на этот раз пожертвований, потому что один из наших сотрудников отказался сопровождать их дочь на вечер?

— Но она больше смахивает на питбуля, чем на девушку, — пробормотал Сэм. — А нет ли у нас другого холостого копа, который мог бы заняться ею? Как насчет Хэндлера?

— Он слишком стар.

— Тогда Мартини.

Кара покачала головой:

— Слишком молод. Кроме того, Марджи хочет, чтобы ее сопровождал именно ты.

Сэм нервно передернул плечами.

— У меня все больше причин сказать «нет». Я не хочу, чтобы у нее сложилось неправильное представление обо мне.

Марджи была одной из тех женщин, которые полагали, что достаточно бросить один-единственный взгляд на мужчину, чтобы вызвать у него интерес к ее персоне. Сэм не хотел никуда идти с ней. Нет, ни за что на свете.

— Я вижу, ты привел мою жену в замешательство, — сказал Майк, брат Сэма, и, шагнув к Каре, положил ей по-хозяйски руку на плечо.

— Скорее, — буркнул Сэм, — она меня. Ты бы осадил ее.

Майк рассмеялся и покачал головой:

— Прости, брат, но постарайся справиться с этой задачей самостоятельно. Я еще жить хочу.

Сэм закатил глаза. Как только Майк влюбился в напарницу Сэма Кару, сразу попал под каблучок ее аккуратных ковбойских сапожек, которые она носила, когда снимала униформу. Куда бы Кара ни пошла, Майк следовал за ней. Сэм был рад за брата. Но проблема состояла в том, что запас его одиноких друзей быстро

истощался. Сначала от него откололся Дэр Баррон, потом Майк, а теперь еще и их сестра Эрин.

Сэм не ревновал их, но ему было трудно смириться с тем, что образ жизни, к которому он привык, рушился на глазах. Однако все это вовсе не означало, что он был готов к браку или же просто к ухаживаниям за страшными как смерть женщинами ради благой цели.

— Ты сейчас с кем-нибудь встречаешься? — спросила Кара, катая карандаш между ладонями.

— Нет, черт побери, — ответил за брата Майк, не давая Сэму и рта раскрыть. — Не припомню, когда он в последний раз с кем-нибудь встречался. Кажется, последней женщиной, к которой он проявлял хоть какой-то интерес, была...

Нет, это уже чересчур!

— Не пора ли тебе вернуться в свой кабинет, братец? — Сэм указал на перегородку в конце просторного помещения.

Майк усмехнулся:

— Нет, пока здесь так весело...

Кара ткнула локтем ему в живот.

— Иди к себе. У меня будет больше шансов добиться успеха, если ты перестанешь подшучивать над Сэмом. Это только все портит.

Майк пожал плечами:

— Я же не виноват, что он прекрасная мишень для шуток.

— Ты стал просто невыносим, после того как обрел счастье в браке, — пробормотал Сэм. — Настоящая заноза в заднице.

Майк ухмыльнулся и, поцеловав жену в губы, демонстративно медленно направился в свой кабинет.

— Ты тоже мог бы найти свою любовь, — наклонившись над столом, сказала Кара. — Все мы желаем тебе этого.

Однако этого не хотел сам Сэм. Он как-то пытался найти настоящую любовь и даже, казалось, подошел к ней вплотную, но в результате ему так и не удалось достичь цели. Как полицейский, он доверял интуиции. Но когда дело касалось женщин и любовных отношений, Сэм не решался полагаться на нее.

Его безоглядную веру в чутье подорвал лучший друг, который увел у Сэма невесту. После такого предательства Сэм едва не потерял доверие к людям. Его родственники знали не все причины, по которым он стал критически относиться к своей интуиции. Его брат обзавелся семьей, Эрин — тоже и уже родила ребенка. После этого они и стали давить на младшего брата, требуя, чтобы тот последовал их примеру.

Лицо Кары сделалось серьезным.

— Я ведь не прошу тебя жениться на Марджи. Просто сходи с ней на одно мероприятие и проводи домой, вот и все. Ты можешь сделать это ради меня, Сэм? Ради Майка и нашего полицейского участка... Ну пожалуйста...

Кара взмахнула ресницами, украшавшими ее большие голубые глаза. Она стала его лучшим другом задолго до того, как вышла замуж за Майка, и Сэм всегда думал, что застрахован от близких отношений с ней. А теперь Кара — его родственница... И Сэм, конечно, не хотел огорчать ее. Кроме того, как правильно заметила Кара, сбор средств на благотворительные цели был благородным делом, в котором принимала участие и полиция.

Сэм вздохнул с мрачным выражением лица.

— Ты взялась за это дело, потому что знала, что я не сумею сказать тебе «нет», — пробормотал он, содрогаясь при мысли о том, что вынужден будет сопровождать женщину, наводившую страх на всех мужчин в их городке.

— Значит, согласен? — постукивая карандашом по журналу регистрации приводов, спросила Кара. Лицо ее засияло.

— Да, — буркнул Сэм, зная, что будет жалеть о своем решении.

— Ура! — Кара вскочила и, крепко обняв его, снова плюхнулась в кресло. — Отлично! У меня как будто гора свалилась с плеч! Я знала, что могу положиться на тебя.

«Да уж, отлично», — подумал Сэм, чувствуя, что начинает тихо ненавидеть это слово.

— Я обещаю, мы с Майком будем весь вечер крутиться рядом с вами. Я не оставлю тебя наедине с этой пивавкой.

Сэм прищурился.

— Значит, ты признаешь, что она пивавка?

Кара потупила взор, стараясь не встречаться с ним взглядом. Но ее выдавал яркий румянец, выступивший на щеках. Да, для своей невестки он, Сэм, был козлом отпущения и палочкой-выручалочкой одновременно.

— Знаешь, — промолвила Кара, взглянув на него из-под густых ресниц, — ты мог бы избежать всего этого, если бы...

«Если бы у меня была девушка», — мысленно закончил за нее Сэм.

— Прекрати! — резко перебил он ее.

— Ладно, хорошо. Но Майк все же прав. Последней женщиной, которая вызывала у тебя интерес, была...

— Прекрати! — прорычал Сэм.

— Ладно, не буду называть ее имя.

Кара ушла с головой в работу, но успела сделать черное дело — напомнить Сэму о женщине, которая заставила его впервые за десять лет потерять бдительность и снова поддаться женским чарам. Речь шла о Николь Фарнсворт, красавице с черными как смоль волосами.

Она приезжала в город несколько месяцев назад, и воспоминания о ней привели Сэма в самое дурное расположение духа.

Упаковывая вещи, Николь Фарнсворт пыталась убедить себя, что вовсе не бежит, а просто переезжает. На самом же деле мысль покинуть Манхэттен пришла ей в голову, как только она окончательно решила расторгнуть помолвку. Но теперь она испытывала не просто волнение, которое обычно ощущает человек, начиная новую жизнь, — она чувствовала сильнейшую тревогу.

Николь закрыла глаза и глубоко вздохнула. Ей не оставалось ничего другого, как только уехать — убраться подальше отсюда — и заняться «самокопанием», которое, как она надеялась, могло внести хоть какую-то ясность в то, что происходило в ее жизни. Но до какой ясности она рассчитывала докопаться, когда прекрасно знала, что от ее действий во многом зависит финансовое положение — и даже свобода — некоторых близких ей людей?

В дверь позвонили, и Николь на всякий случай посмотрела в глазок, чтобы не открывать дверь незнакомцам. Она увидела лицо матери, с которой в эту минуту не хотела встречаться. Мать, как обычно, была безупречно одета (пиджак от Шанель и шерстяные брюки).

Подавив стон, Николь открыла дверь и впустила Мэрианн Фарнсворт в квартиру.

Прежде чем она успела поздороваться, мать разразилась одной из своих типичных тирад:

— Ни одна здравомыслящая женщина не стала бы расторгать помолвку с красивым и очень богатым мужчиной. К тому же вы вместе росли, позволь тебе об этом напомнить. Он и его семья являются партнерами твоего отца по бизнесу. О чем ты только думала, расставаясь с ним?

Николь следом за матерью вошла в комнату и, прилонившись к стене, заявила:

— Я думала о том, что мне не стоит выходить замуж за человека, которого я не люблю.

Мать окинула взглядом комнату, заполненную коробками, которые еще предстояло загрузить в машину. Скрестив руки на груди, она с досадой посмотрела на Николь.

— При чем тут любовь?

Николь не хотела объясняться с матерью на эту тему. Иначе ей пришлось бы копаться в браке родителей. Нет уж, лучше она промолчит. Тихонько вздохнув, Николь подумала, что скоро уедет отсюда... и все образуется.

— Дорогая, такой девушке, как ты, глупо беспокоиться о том, что она останется без любовника, — сказала мать.

Николь пожала плечами:

— Ты же прекрасно знаешь, что не все члены нашей семьи могут похвастаться здравомыслием.

— Не намекай на сестру, — с упреком проговорила мать.

Она старалась не вспоминать о психической болезни Виктории, словно маниакально-депрессивный психоз был неким позорным клеймом, грозившим испортить репутацию всей семьи.

Однако Николь вовсе не намекала на Викторию, она просто шутила — возможно, не совсем удачно.

— Дорогая, тебе нужно позвонить Тайлеру и уговорить его простить тебя, — продолжала мать.

Николь со вздохом покачала головой:

— Нет, нет и нет.

У Николь имелись более серьезные поводы для беспокойства, чем реакция матери на расторжение ее помолвки. Например, криминальная деятельность отца ее

бывшего жениха. Николь подслушала разговор, который тот вел со своим бухгалтером, и теперь не знала, что ей делать с этой информацией. Ее отец, как правильно заметила Мэрианн, являлся деловым партнером компании «Финансовые инвестиции Стентона», так что дело касалось обеих семей. И поэтому ей, Николь, прежде чем действовать, необходимо было все тщательно обдумать и взвесить.

Знал ли отец, что его партнер брал деньги у связанных с мафией компаний и инвестировал их в проекты, на которых обе семьи сколотили свое состояние? Знал ли обо всем этом Тайлер? Пока у нее не было ответов на эти вопросы.

— Эй, Николь! — окликнула ее мать, щелкая пальцами перед лицом дочери. — Ты не слушаешь меня!

— Потому что думаю о гораздо более серьезных вещах. Например — о переезде.

Она надеялась начать новую жизнь, в которой люди будут ценить ее саму, а не ее семейные связи.

Мать вспыхнула от негодования. Возможно, она до сих пор не заметила признаков того, что ее дочь собралась переезжать. А ведь перед ней лежали коробки, упаковочные ленты и одежда в чехлах...

— Николь, одумайся! Вся эта ситуация крайне унижительна для тебя. Не говоря уже о том, что ты не можешь бросить работу. Мать Тайлера баллотируется на пост главы муниципалитета, а ты у нее главный сборщик пожертвований на благотворительные цели. Ты нужна ей.

— Я отправила ей письмо. Моя помощница готова взять на себя все обязанности по сбору пожертвований. Она справится, я уверена.

— Ты рассоришь наши семьи, — не сдавалась Мэрианн.

Николь в очередной раз вздохнула, осознав горькую иронию судьбы. В ранней юности она своими правильными поступками пыталась добиться одобрения или хотя бы внимания со стороны родителей, но безуспешно. И вот теперь, когда ее больше не волновало, что родители думали о ее выборе, цель наконец была достигнута. Мать примчалась к ней, чтобы поговорить о ее жизни. И она даже просила у нее помощи!

— Мама, прекрати! Я же сказала, что не собираюсь возвращаться к Тайлеру. Я его не люблю, и мне давно уже следовало понять это.

И сейчас, в свете того безразличия, которое мать продемонстрировала к чувствам дочери, Николь стало ясно, почему она не разобралась в своих чувствах раньше. Ей всегда отчаянно хотелось, чтобы кто-то любил и ценил ее, а Тайлер в отличие от родителей Николь был добр и заботлив. Он проявлял внимание к ней и давал то, чего она была лишена в бедной эмоциями жизни.

Но, к несчастью, она ошибалась, принимая благодушие за любовь, — потому и расторгла помолвку. Разобраться в себе Николь помогли важные события, произошедшие в ее жизни, — ухудшение психического здоровья сестры, а также встреча с сексуальным копом из маленького городка. Она испытывала к нему совсем иные чувства, чем к жениху. Когда он был рядом, ею овладевали желание, азарт, ее сердце начинало учащенно биться. Николь и не подозревала, что способна на такие сильные эмоции.

Вернувшись к действительности, она взглянула на мать, которая смотрела на нее с выражением разочарования на лице.

— Хорошо, что я приняла решение расстаться с Тайлером сейчас, а не после свадьбы, — промолвила Николь.

Мэрианн вздохнула.

— Разве я когда-нибудь говорила тебе, что сказкам можно верить? — с досадой спросила она.

Николь твердо встретила взгляд матери.

— Нет, никогда.

Не говоря больше ни слова, даже не пожелав дочери счастливого пути или удачи, Мэрианн повернулась и выбежала из квартиры.

Комок подкатил к горлу, и Николь судорожно сглотнула. Мать ничуть не изменилась за двадцать восемь лет жизни дочери. Но изменилась сама Николь. Она не думала о том, что переезд сделает ее счастливее. Ей просто хотелось жить собственной жизнью, воплощать свои мечты и желания, а не те, которые лелеяла ее семья.

Поэтому она и отправлялась в маленький тихий городок, где когда-то обрела душевный покой, несмотря на безумное поведение сестры. Николь надеялась, что потом разберется с информацией о криминальной деятельности отца Тайлера и решит, как ей поступить в столь сложной ситуации.

Николь была готова ехать в Серендипити. Но был ли готов Серендипити принять ее?

Больше всего в городке Серендипити Николь ценила старомодный шарм. Где еще можно найти дешевое кафе под названием «Семейный ресторан»? Вселившись утром в новую квартиру над баром «У Джо», она решила пообедать в городе, отложив покупку продуктов на завтра.

Сидя за стойкой «Семейного ресторана» и уплетая очень вкусное мясо с картофельным пюре, Николь наслаждалась окружающей атмосферой. Внезапно из-за стойки к ней подошла темноволосая девушка.

— О, так я же вас знаю, — заявила она.

Николь встретила с ней глазами, хорошо понимая причину ее беспокойства. Единственное, что настораживало Николь, когда она принимала решение переехать сюда, было то обстоятельство, что ее могли принять за сестру-близнеца. Но ее очень тянуло в Серендипити. Несмотря на поведение Виктории, местные жители не осуждали Николь, во всяком случае — в то время, когда она изо всех сил старалась помочь им найти совершившую преступление сестру.

— Вряд ли мы когда-либо встречались.

— Я — Мейси Донован. Работаю здесь то администратором, то официанткой. Ресторанчик принадлежит моей семье. Скажите, вы не...

— Меня зовут Николь Фарнсворт.

— Так вы не Виктория? Та психопатка, которая...

— Нет, — поспешно перебила Николь, не желавшая слушать рассказы о преступлениях Виктории. Когда ее сестра прекращала принимать лекарства, могло произойти все, что угодно. И происходило. — Мы с Викторией — сестры-близнецы.

Мейси покраснела от смущения.

— Простите, она ранила моего друга и... Впрочем, не будем об этом.

Николь вздохнула:

— Я знала, что столкнусь с последствиями ее ужасного поведения, если перееду сюда.

Мейси вопросительно взглянула на нее:

— Так вы решили поселиться в Серендипити?

— Да, решила, — ответила Николь и расправила плечи, намереваясь показать Мейси Донован, что не только не жалеет о своем решении, но и не даст себя в обиду. Болезнь сестры не имела к ней никакого отношения. Сейчас Виктория находилась на принудительном лечении в психиатрической клинике.

— Послушайте, я вовсе не осуждаю вас, — сказала Мейси. — Возможно, я веду себя глупо, но поймите, ваша сестра преследовала в течение нескольких месяцев Эрин Марсден, мою лучшую подругу.

Николь поморщилась, ей было неприятно слышать о преступлениях Виктории.

— Эрин рассказала мне, что вы помогли найти, где пряталась ваша сестра, и что вы и приехали тогда в наш городок именно затем, чтобы предупредить ее и Коула об опасности. Итак, мир?

Мейси протянула Николь руку, и та, глубоко вздохнув, пожала ее.

— Спасибо, — кивнула она.

И в тот же миг в ее сумочке зазвонил мобильник.

— У меня дела, но я скоро вернусь, — сказала Мейси, давая Николь возможность принять вызов.

Посмотрев на экран, Николь увидела, что звонил ее бывший жених. Она сбросила звонок, так как уже все объяснила Тайлеру в разговоре с глазу на глаз и добавлять было нечего. Его звонок всего лишь напомнил ей о необходимости принять важное решение. Может быть, ей следовало прямо спросить отца, знал ли он о махинациях своего партнера по бизнесу? Или лучше задать этот вопрос Тайлеру?

Николь случайно подслушала разговор Стентона с бухгалтером, когда стояла под дверью кабинета отца — человека, которого знала не слишком хорошо (у него никогда не было времени, а возможно, и желания общаться с ней). Николь подняла руку, чтобы постучать в дверь, и тут вдруг услышала то, что заставило ее замереть на месте.

Роберт Стентон и бухгалтер фирмы говорили, в частности, об отмыывании денег, полученных от Романовых, отца и сына, известных в Лос-Анджелесе арт-дилеров. Николь поняла: речь шла о русской мафии, и стало яс-

но, что весь их бизнес мог потерпеть крах. Более того, все они могли оказаться в тюрьме. Ей сделалось нехорошо, и она повернулась, чтобы убежать к себе, но тут увидела быстро шагнувшего по коридору отца — он приближался к ней.

Отец окликнул дочь по имени, и на его голос из кабинета тут же вышли Роберт Стентон и Андре, бухгалтер.

От взгляда Андре по спине Николь пробежал холодок, но она убедила себя, что он не мог наверняка знать, слышала ли она их разговор в кабинете.

Но на самом-то деле Николь все слышала... И это значило, что ей следовало беспокоиться не только о судьбе своих родных и семейного бизнеса, но, возможно, и о собственной безопасности...

Может, она должна была рассказать все отцу? Но если он уже и так знал о грязных делишках своего партнера, то она, Николь, только выдала бы себя. Если же Пол Фарнсворт находился в полном неведении, то вряд ли поверил бы разоблачениям дочери — скорее всего решил бы, что она оговаривает его давнего друга. Да и мать Николь безоговорочно стала бы на сторону мужа. Что же касалось матери Тайлера, то главным источником средств на ведение избирательной кампании являлся ее муж, и она готова была рисковать, используя даже грязные деньги. Николь понимала, что не могла обратиться за помощью к этим людям. Оставалась только полиция. Но следовало ли подключать к этому делу копов?

И что же Тайлер? Николь была уверена в его честности. Трудно было представить, что ее бывший жених, зная о махинациях отца, позволял ему втягивать себя в грязные делишки. Тайлера воспитывали как своего рода принца и наделяли особыми правами и привилегиями. Впрочем, Тайлер редко выступал в роли, которую ему навязывали. Вполне можно было предположить,